

# Раньше были комиссары. теперь — менеджеры

Айвар ВАЛЕЕВ  
Челябинск

Профессия искусствоведа часто воспринимается как абсолютно кабинетная и далекая от «сермяжной правды». С Галиной Трифионовой, ведущим искусствоведам областного Музея искусств, доцентом кафедры искусствования и культурологии ЮУрГУ, кандидатом исторических наук мы говорили не только о художниках. Некоторые ее суждения и оценки заставляют задуматься над тем, на что многим нынешним комментаторам жизни, так называемым экспертам, иногда не хватает элементарной широты взглядов. Эту широту, особую оптику человеку всегда давало искусство. Наш разговор — это и попытка оценить, насколько искусствоведаческий инструментарий эффективен в описании текущей действительности.

## Специфический срез

— Галина Семеновна, в чем главная радость вашей профессии?

— Наверное, в ощущении наличия художественной среды. Это художники, которые активно работают и видны, неравнодушные художественные критики и зрители, конечно. Казалось бы, специфический срез, но он характеризует духовное состояние в городе.

— Каким образом?

— Мне кажется, художники зарежались. Не только в городе — в стране. В 60-е, 70-е, отчасти и в 80-е годы они были теми, кто во многом определял духовный градус общества. Люди ходили на выставки. Обсуждали. Удивлялись, если ты не был. Из других городов ехали! Я вспоминаю, как в 1979 году мы устраивали выставку Зинаиды Серебряковой. Привезли из частной коллекции семьи работы. А вещи были камерные — этюды, наброски. И живописные работы французского периода. Помню ощущение подлинности. Это не было нигде опубликовано, взято из живых рук. Очередь на выставку была на улице!

## Интеллигент в супермаркете

— Что это была за публика?

— Разная. Преимущественно интеллигентная.

— Куда растворилась наша интеллигенция?

— Вот это да, большой вопрос... Социально она вроде бы существует. Но миссия интеллигенции ограничилась исполнением профессиональных обязанностей. А то ее духовное назначение, которое было всегда в России, сейчас не исполняется, мне кажется, совершенно.

— Почему?

— Сегодняшнее ее состояние приглушенности, притушенности от того, что начали сильно сомневаться в интеллигенции. Потом стали говорить, что она виновата в революции, потом — что не противостояла тоталитарному режиму. Думаю, это несправедливо.

— Это прошлое, а сейчас что?

— Сейчас все страшно индивидуализировалось. В зависимости от того, как человек для себя решает эту ответственность, он ей соответствует или решает «не обострять» — что, мол, от меня зависит? В итоге интеллигенция лишена какой-либо власти, даже своего мнения. Она позволила обрушиться результатам гигантского труда, которые были наработаны в прежние годы. Применительно к своему делу я воспринимаю это не просто как кризис, но и как потерю позиций в отношении к музею как к социальному институту. Нас обязывают лишь хранить госсобственность в виде произведений искусства, которые нам даны в «оперативное управление». Мы постоянно слышим, что музеи должны зарабатывать. Такая

постановка вопроса совершенно неприемлема, странна и не имеет никакого основания. В законе о культуре прямо сказано, что музей — это некоммерческое учреждение.

— Это неудивительно, если во власти — некультурные люди. Не плохие, а просто некультурные.

— Это тоже очень важный вопрос. Ведь эти люди тоже входят сферу интеллигенции.

— Вы так думаете?

— Ну а как может быть власть не интеллигентной? Такого не может быть. Только интеллигент может занять руководящую должность. Это вопрос профессиональности. Люди, работающие в сфере управления обществом, должны быть профессионалами. Но профессионализм — во всех сферах — сейчас оттеснен, не ценится. Странным образом состояние нашего общества начинает напоминать коммунистические времена. Раньше были комиссары. Теперь возникла фигура менеджера. Считается, что менеджер — это какая-то универсальная спецификация. А ведь существуют сферы, где этот менеджер должен быть, прежде всего, специалистом в своем деле. Я думаю, хороший профессионал будет лучшим руководителем, даже если у него не особенно развиты какие-то «менеджерские» способности. За счет знания предмета он поднимет дело значительно выше, чем абстрактный специалист по управлению.

— Перед глазами маячит пример А.Б. Чубайса, который руководит приватизацией, то энергетикой, то нанотехнологиями... А чем все-таки плох менеджер?

— Менеджерская тенденция демонстрирует неуважение к человеку. А уважение — это не похвалы и грамоты. Уважение заключается в отношении к той компетенции, которой владеет человек. И он бывает-таки незаменим! Потому что есть разница между настоящим профессионалом и человеком, по верхам нахватавшимся.

— А в чем эта разница?

— Сегодня открываются великолепные возможности получить знания. Но принципиальной становится фигура получателя. Если это сложившийся профессионал — одно дело. Совсем другое — «пустой» человек. Скорость получения информации становится выше скорости психических реакций. В итоге информация не успевает быть глубоко осмысленной, пережитой, не становится созидательным багажом. Человек отдается этому потоку, но теряет способность глубоко чувствовать и переживать. А это и составляет богатство природы человека. Настоящие открытия только тогда и делаются, когда идеи проживаются. Вот этого проживания сейчас нет. Как в супермаркете человек набирает в корзину продукты, примерно так же, не меняя внутреннего качества, человек набирает информацию. И к 40 годам он все еще незрелый. И с интеллигентией такое происходит в том числе.

## Народ-младенец

— Надеюсь, эти наблюдения вы делаете не по своим студентам. Кстати, что за ребята сегодня идут на искусствование?

— Эти дети совершенно отличаются от всех других! Искусство — их выбор. Причем половина из них — «бюджетники», а половина учатся на коммерческой основе. Они, конечно, очень скоро понимают, что профессия не будет их сытно кормить. Но здесь другая интерес. Кстати, нынешние выпускники практически все разъехались, оценив ситуацию в Челябинске как очень неблагоприятную для искусства...

— А в чем может состоять «другой интерес»?

— Вы знаете, когда я поступала на искусствование в Ленинград-



Фото Бориса КАУЛИНА

ский университет, конкурс на место составлял 30 человек. Искусство тогда выплывало схожую с религиозной миссией. В искусство шли с вопросами «Что есть человек?», «В чем смысл бытия?» Шли за вдохновением, желая оставить какой-то след

Человек что-то набирал, но вскоре тоска наступала, заедала его: «Зачем?»...

на Земле. Искусство было реальной силой, которая спасала людей, показывала, что жизнь небесмысленна, что она имеет свою красоту. Человека искусство сохраняло. После войны и особенно в 60-е отмечался всплеск интереса к искусству. И я считаю, что это вообще была высокая точка развития отечественного духа.

— Народ впервые за долгие годы стал сытым, появился интерес к другому?

— Нет, нет... О сытости очень трудно говорить. У нас вот художник Николай Аникин так и не был «сытым» вплоть до смерти в 1998 году. Многие художники и писатели так жили. Не с сытостью связано. Я считаю, что эти вещи абсолютно не соприкасаются. Сытый человек ничего не создаст. В этом есть какой-то сон тела. Напротив, сытость привела нас как раз к кризису. Люди перестали что-то искать. Им дали очень упрощенную модель бытия: евроремонты, кредитные машины, земельные участки. И это начало работать как вирус. А нам в России это в принципе несвойственно. Человек что-то набирал, но вскоре тоска наступала, заедала его: «Зачем?»...

## «Мне все в нем интересно»

— Благодаря научно-исследовательской работе музея и в значительной мере лично вашим усилиям в культурный оборот Челябинска вернулись и заняли подобающее место значительные, но почти забытые имена. Вот даже появилась улица имени Николая Афанасьевича Русакова. Вы, кстати, были на ней?

— На улице художника Русакова меня пригласили маленькой выставкой на открытие дома ветеранов. И я готова была участвовать в создании небольшого музейчика там... Чувство участия искупает все труды. Я испытала такое чувство, когда мы делали ту же «Золотую карту» в Третьяковке. Треть экспозиции составили работы Н.А. Русакова. Для нас это художник, по сути, единственный в начале XX века, который связывает нити столичной культуры и челябинской. Мне было интересно, как его воспримут в Москве. Замдиректора Третьяковки по научной работе Лидия Ивановна Иовлева, очень опытный человек, сказала о Русакове: «Художник очень интересный. Даже не знаю, какой бы части его творчества я отдала предпочтение — Востоку или вещам 30-х годов, которые он писал на Урале». Сотрудники Третьяковской галереи предложили в

2010 году сделать его персоналию в выставочном зале в Малых Толмачах, где они публикуют неизвестных, забытых художников. Хотя это сложно сейчас — помогли бы спонсоры...

— История с Русаковым и многими другими замечательными нашими художниками прошлого, на мой взгляд, чрезвычайно важна еще и вот почему. Если бы мы о них не знали, то Челябинск, Южный Урал представлялся бы местом пустым в прошлом, где ничего не может вырасти и сегодня...

— Когда мы пришли в музей, 1920-х годов ведь не было совсем, а 30-е были представлены лишь соцреализмом. Да, было такое ощущение, что все происходило лишь столицах. Мы начали возить оттуда художников «тихого противостояния» идеологическому в искусстве 20—30-х годов. Когда «копали» в мастерских художников на Масловке, возникло любопытство: а что у нас в это время было? В 1980 году искусствоведа Леонид Байнов организовал выставку «Старые мастера» в выставочном зале Союза художников. Так равновесие начало выстраиваться. В Челябинске полноценная художественная жизнь началась в начале XX века. И этот пласт существует.

— Трудно не сравнивать его со столичным уровнем?

— Здесь не должно быть никакого профессионального снобизма. Этому хорошо способствует погружение в процесс текущего искусства. Вот перерод мой живой художник. Мне все в нем интересно. Что он собой представляет? Что в себе несет? Как понимает искусство? Человек творческий самоценен, где бы он ни находился — в столице или на маленькой станции. Этот интерес помог нам открыть старых мастеров...

## Спеленутый великан

— Я помню одну вашу идею — создать музей Н.А. Русакова...

— Не только его персональный музей, в Челябинске нужно открыть несколько музеев! Нужен музей искусства XX века, музей челябинских художников. Была возможность сделать мемориальный музей-мастерскую Василия Неясова. Он построил своими руками дом-мастерскую. А мечтал создать целую коммуналку художников. Много работ написал, а энергии хватало еще и на окультуривание среды...

— Легко представить, что нам на это скажут люди, которые «хорошо считают деньги»... А как бы вы аргументировали необходимость новых музеев в Челябинске?

— Есть реальная потребность сохранить ценное, и так, чтобы оно не было под спудом. Чтобы человек выстраивал для себя внутренне, духовно непрерывную картину бытия. Я поздний ребенок, и передо мной — целый век. Я знаю, как страдали мои родители в первой половине XX столетия. Я работала и дружила с шестидесятиниками. А сейчас удивляюсь XXI веку. Но у некоторых людей не было таких возможностей. И они могут достроить картину бытия только за счет приобретенного опыта — через искусство. И в этом будет их полноценность как личностей.

Сколько лет существует музей, а у нас ведь нет постоянной экспозиции XX века — ни страны, ни региона. Я считаю, это просто культурная катастрофа. Людям легко расставаться с этим местом, не зная, что здесь происходило. Они не знают отечественное искусство, потому что не могут поехать в Третьяковку. Это ущерб историческому сознанию, личностному мироощущению. Неполноценных людей растим! Я считаю, что наш художественный музей не выполняет свою функцию. Не по своей вине. Он все еще, как великан, спеленут. Временно выбранное в 1952 году под галерею здание не дает возможности показать людям все наше богатство. А ведь мы же такие сокровища имеем!..